

ство украинцев. Опять таки и здѣсь Платоновъ не довольствуется общими, отвлеченными характеристиками разныхъ теченій, но, — что придаетъ его изложенію особенную привлекательность, — постоянно иллюстрируетъ эти характеристики живыми портретами типичныхъ представителей этихъ теченій. Ртищевъ, Ординъ-Нащокинъ, Матвѣевъ, кн. В. Голицынъ, Котошихинъ — проходятъ передъ нами, какъ яркіе представители различныхъ оттѣнковъ тогдашняго русскаго западничества; Марселисы, Виніусы, — какъ образцы обратнаго процесса: обрусѣнія иноземцевъ, присоавшихся къ русской жизни въ то время. Наконецъ, тутъ же выступаютъ Нероновъ и нѣкоторые другіе представители реакціи противъ иноземщины, затѣмъ такъ ярко вспыхнувшей въ расколѣ. Жаль, что протопопъ Аввакумъ не попалъ въ эту портретную галерею. Жаль также, что авторъ очень мало коснулся иноземныхъ вліяній, поскольку онѣ сказались въ начатыхъ уже тогда правительствомъ государственныхъ преобразованіяхъ, предвѣщавшихъ реформы Петра В. Онъ нѣсколько затронулъ однѣ лишь военныя реформы, но въдѣ военной сферой не ограничивались тогда преобразовательные опыты, предпринимавшіеся по иноземнымъ образцамъ. Авторъ вездѣ выдвигаетъ въ качествѣ главнѣйшихъ факторовъ иноземныхъ вліяній торговля сношенія и религіозно - культурные интересы. Третій факторъ, очень важный, — потребность власти въ иноземныхъ совѣтчикахъ при усовершенствованіи техническаго правительственнаго аппарата — оставлена авторомъ какъ-то въ тѣни, хотя по отношенію къ XVII ст., особенно второй его половинѣ, этотъ факторъ долженъ былъ бы привлечь къ себѣ столь же пристальное вниманіе историка, какъ и два упомянутые выше.

Книга заканчивается нѣкоторыми замѣчаніями о роли Петра В. въ процесѣ европеизаціи Россіи. Къ сожалѣнію, эти замѣчанія изложены какъ то бѣгло и скомканно и далеко не обнимаютъ вопроса во всей его сложности.

Въ общемъ же мы съ удовольствіемъ рекомендуемъ читателю эту живую, интересную и содержательную книгу.

А. Кизелеттеръ.

А. А. Корниловъ. Годы странствій Михаила Бакунина. Государственное издательство. Ленинградъ - Москва. 1925 г. стр. 587.

Эта книга составляетъ непосредственное продолженіе изданнаго Корниловымъ въ 1914 г. тома подъ заглавіемъ: «Молодые годы Михаила Бакунина». Впрочемъ, продолженіе это носитъ нѣсколько иной характеръ нежели только что упомянутый первый томъ. Въ основу всей работы А. А. Корнилова положенъ семейный архивъ Гакуниныхъ, хранившійся въ селѣ Премухинѣ, въ старой Бакунинской усадьбѣ. Опубликованіе многочисленныхъ писемъ изъ этого архива составляетъ крупнѣйшій вкладъ въ изученіе біографіи знаменитаго аvarхиста и въ этомъ отношеніи трудъ, выполненный А. А. Корниловымъ никогда не утратитъ первостепеннаго значенія. Но, составляя

первый томъ своего труда, А. А. Корниловъ далъ больше, чѣмъ систематически расположенное воспроизведеніе переписки членовъ Бакунинской семьи. Онъ окружилъ эти письма связнымъ повѣствованіемъ о молодости Михаила Бакунина, использовавъ вообще весь имѣющійся для того матеріалъ. Вышедшій теперь второй томъ составленъ иначе. Это не болѣе, какъ сборникъ писемъ изъ семейнаго Премухинскаго архива, сѣблпленныхъ лишь кое-гдѣ краткими пояснительными замѣчаніями составителя сборника. Такимъ образомъ, заглавіе тома не точно. Это не исторія странствованій Михаила Бакунина, это —хроника семьи Бакуниныхъ за 1840—1857 г. г., поскольку она отразилась въ семейной перепискѣ за эти годы. Весьма значительная часть книги не имѣетъ отношенія къ Михаилу Бакунину, а содержитъ матеріалъ для исторіи семейныхъ дѣлъ другихъ членовъ Бакунинской семьи. Съ другой стороны, жизнь Михаила Бакунина за указанные годы отражена въ этихъ письмахъ съ громадными пробѣлами: выпадаетъ вся его революціонная дѣятельность за-границей въ 40-хъ годахъ по той понятной причинѣ, что Мих. Бакунинъ за это время ничего не писалъ роднымъ изъ боязни повредить имъ.

Тѣмъ не менѣе, и второй томъ труда А. А. Корнилова содержитъ много писемъ, драгоценныхъ для біографа Михаила Бакунина. Томъ открывается отъѣздомъ Михаила Бакунина за границу въ концѣ іюня 1840 г. Съ момента отъѣзда и вплоть до 1845 г. Бакунинъ поддерживалъ дѣятельную переписку съ братьями и сестрами. Письмо изъ Гамбурга отъ 20 авг. 1840 г. рисуесть тѣ настроенія, съ которыми Бакунинъ отправился за границу. Онъ еще весь полонъ религіозныхъ и метафизическихъ устремленій. Онъ пишетъ, что въ Россіи «почти совершенное одиночество въ стремленіи къ высшему религіозному и философскому знанію» породило въ немъ уныніе, но теперь онъ спѣшитъ въ Берлинъ съ новымъ подъемомъ вѣры и надежды, не сомнѣваясь въ томъ, что обрѣтетъ тамъ духовное возрожденіе. Письма 1840—41 г. г. обнаруживаютъ неослабную приверженность Бакунина къ метафизическому умунастроенію. Онъ погружается въ логику Вердера и съ нетерпѣніемъ ждетъ начала лекцій Шеллинга. За это время онъ тѣсно сходитя съ И. С. Тургеневымъ, живетъ съ нимъ въ одной комнатѣ и въ своихъ письмахъ восторженно говоритъ о дружбѣ съ нимъ. Тургеневу предстояло вскорѣ сыграть не малую роль въ семьѣ Бакуниныхъ. Пріѣхавъ въ Россію осенью 1841 г. онъ очаровалъ всю семью, Алексѣй Бакунинъ въ своихъ письмахъ воспѣлъ ему еще болѣе восторженные панегирики, нежели Мишель, а Татьяна Бакунина страстно влюбилась въ Тургенева и, не встрѣтивъ отвѣтнаго чувства, долго страдала. Осенью 1842 г. Бакунинъ былъ уже въ Дрезденѣ и съ этого времени въ его письмахъ начинаютъ звучать первыя ноты предчувствія полного расхожденія во взглядахъ съ остальными членами семьи. 9 октября 1842 г. онъ пишетъ: «мы отчудились другъ отъ друга до такой степени, что потеряли способность понимать другъ друга», и далѣе въ томъ же письмѣ: «мои отношенія съ вами не живыя отношенія»; упоминая о какомъ то предшествующемъ письмѣ, не

сохранившемся въ Премухинскомъ архивѣ, онъ пишетъ: «это была послѣдняя попытка насильно связать себя съ вами, можно сказать, судорожная попытка разбить кору чуждости, раздѣляющей насъ». Въ тотъ же день онъ посылаетъ письмо къ брату Николаю съ оказіей, съ отъѣжающимъ въ Россію Тургеневымъ, гдѣ читаемъ: «я рѣшился никогда не возвращаться въ Россію. Не думай, чтобы это было легкомысленное рѣшеніе, оно связано съ внутреннѣйшимъ смысломъ всей моей прошедшей и настоящей жизни. Это моя судьба, жребій, которому я противиться не могу, не долженъ и не хочу» и затѣмъ, сказавъ о томъ, какъ ему тяжело разрывать нити, связывающія его съ отчизной, онъ заключаетъ: «я не гожусь теперешней Россіи, я испорченъ для нея, а здѣсь, я чувствую, что я хочу еще жить, я могу здѣсь дѣйствовать, во мнѣ еще много юности и энергій для Европы». Еще въ двухъ октябрьскихъ письмахъ 1842 года, возвращается Бакунинъ къ этому своему рѣшенію, чтобы признаться въ томъ, какъ тяжело оно ему досталось. Онъ говоритъ, что это рѣшеніе стоило ему многихъ горькихъ слезъ и становилось ему такъ грустно, что нѣсколько разъ онъ желалъ смерти. А въ самомъ концѣ октября 1842 г. въ нѣмецкомъ журналѣ была напечатана статья Бакунина подъ псевдонимомъ Jules Elysard : «Реакція въ Германіи», въ которой Бакунинъ выступаетъ съ своимъ первымъ революціоннымъ манифестомъ. Въ январѣ 1843 г. Бакунинъ былъ высланъ изъ Дрездена за то, что поселилъ у себя революціоннаго поэта Гервега. Онъ переѣхалъ въ Цюрихъ. Его переписка съ родными все же продолжалась. Значительная ея часть была посвящена вопросу о полученіи отъ родныхъ и отъ Тургенева денегъ для расплаты съ крупными долгами, въ которые вошелъ Бакунинъ, а также возвращенію сестры Бакунина, Вариньки къ своему мужу Дьякову, съ которымъ она было разошлась главнымъ образомъ подъ давленіемъ брата Мишеля. Касаясь этого вопроса, Михаилъ Бакунинъ пишетъ въ своихъ письмахъ восторженныя хаалы «жожандизму», которымъ онъ тогда сильно увлекался.

Только въ 1845 г. наступаетъ полный разрывъ Бакунина съ семьей. Въ маѣ этого года онъ пишетъ прощальное письмо къ отцу. Въ іюнѣ, — въ письмѣ къ сестрѣ Татьянѣ, — онъ заявляетъ, что между нимъ и его братьями и сестрами не можетъ болѣе оставаться никакой связи. Этому предшествовали важныя обстоятельства. Русское правительство потребовало возвращенія Бакунина въ Россію. Онъ отвѣчалъ отказомъ. Тогда послѣдовалъ указъ о лишеніи Бакунина дворянства и о ссылкѣ его въ Сибирь. 27 января 1845 г. Бакунинъ напечаталъ въ газетѣ «La Reforme» письмо съ заявленіемъ о своемъ рѣшеніи никогда не возвращаться въ Россію и съ самой рѣзкой характеристикой русскаго деспотическаго режима.

Съ іюня 1845 г. и по 1851 г. въ письмахъ Премухинскаго архива нѣтъ ни одного письма Михаила Бакунина и ни одного открытаго упоминанія о немъ въ письмахъ другихъ членовъ семьи. Только въ 1848 г., въ разгаръ революціонной дѣятельности Бакунина, въ двухъ-трехъ письмахъ братьевъ Бакунина есть прикровеннѣйшіе описательные на-

меки на Михаила. И больше — ни звука. Въ соответствии съ этимъ, 304 — 443 страницы разсматриваемаго тома не имѣютъ отношенія къ Михаилу Бакунину; въ письмахъ, здѣсь напечатанныхъ, развертывается лишь жизненная повѣсть его братьевъ и сестеръ. Мишель снова является на сцену лишь съ осени 1851 г., когда онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, въ Петропавловскую крѣпость. Ему разрѣшили писать къ роднымъ и дали нѣсколько свиданій съ родными. Въ разсматриваемомъ томѣ находимъ цѣлый рядъ писемъ Михаила Бакунина къ роднымъ изъ Петропавловской и затѣмъ изъ Шлиссельбургской крѣпостей. Конечно, въ этихъ письмахъ Бакунинъ не могъ ни единымъ словомъ касаться своихъ убѣжденій. Письма наполнены лишь изъясненіями любви къ роднымъ и жалобами на тюремное одиночество и на все усиливавшееся болѣзненное состояніе организма. Онъ получалъ отъ родныхъ книги и журналы. Въ письмахъ братьевъ и сестеръ Бакунина находимъ свѣдѣнія о хлопотахъ на счетъ смягченія его участи, которые ими предпринимались. Последнее письмо Бакунина изъ крѣпости датировано 3 февраля 1857 г. 14 февраля онъ обратился съ письмомъ къ Александру П съ просьбою объ освобожденіи изъ крѣпости. 8 марта онъ былъ вывезенъ изъ Петербурга въ Сибирь на поселеніе съ разрѣшеніемъ заѣхать на одиѣ сутки въ Премухино. Онъ воспользовался этимъ разрѣшеніемъ и провелъ сутки подъ родною кровлей. Вся семья была въ сборѣ. Михаилъ Бакунинъ былъ мраченъ, очень мало гозорилъ и большую часть времени игралъ въ дурачки съ старой няней. 27 марта 1857 г. онъ былъ уже сданъ фельдшеремъ подъ росписку генераль-губернатору Гасфорду въ городѣ Омскѣ.

Мы могли здѣсь намѣтить лишь основной остовъ разобранной книги. Тѣ, кто интересуется биографіей Михаила Бакунина и духовной жизнью русскаго общества въ первой половинѣ XIX столѣтія, должны будутъ проштудировать изъ строки въ строку напечатанныя тамъ письма.

А. Кизеветтеръ.

• Изъ далекаго и близкаго прошлаго. Сборникъ этюдовъ изъ всеобщей исторіи въ честь пятидесятилѣтія научной жизни Н. И. Карѣва. Петроградъ - Москва, 1923.

Этотъ сборникъ представляетъ большой интересъ и по содержанию многихъ статей и по составу участниковъ. Кромѣ хорошо извѣстныхъ и большихъ именъ Бартольда, Бузескула, Гревса, Егорова, Петрушевскаго, Савина и др., находимъ рядъ новыхъ. Нѣкоторыя работы вышли изъ историческихъ семинаріевъ — Д. Н. Егорова и Н. И. Карѣва. Такимъ образомъ, имѣемъ объективное доказательство, что преемственность научной жизни въ Россіи не прервалась. Конечно, статьи далеко не всѣ равноцѣнны.

Сборникъ чрезвычайно богатъ по содержанию, охватывая буквально всѣ эпохи всемірной исторіи: онъ начинается статьею В.